

Тао Хуайнань в последние дни был в полной растерянности. Он не мог подобрать слов, не мог помочь Чи Чэну найти выход из ситуации. Он не знал, что делать и не понимал, какие эмоции ему следует испытывать. Он искренне не считал, что стоит радоваться тому, что Чи Чэн остался с ним таким образом, но если бы он сказал, что Чи Чэн поступил неправильно, это выглядело бы лицемерно.

Самым беззаботным в этой ситуации оказался сам Чи Чэн. Он не считал это чем-то значимым. Когда Тао Хуайнань, подперев голову рукой, сидел за столом и предавался размышлениям, Чи Чэн слегка щёлкнул его по голове и сказал:

— Не грусти.

Тао Хуайнань уставился в одну точку, а через некоторое время произнёс:

— Старший брат всё ещё не возвращается. Он разозлился на тебя и ушёл из дома.

— Помоги мне его успокоить, — попросил Чи Чэн.

— Он даже меня игнорирует. Как я могу помочь тебе его успокоить? — Тао Хуайнань сохранял прежнюю позу, медленно произнося слова. — Я даже не могу представить, насколько он разозлился.

Тао Сяодун был самым неприятельным из родителей, он всегда баловал своих детей, каждый день играл и шутил с двумя младшими братьями. Но на этот раз Чи Чэн действительно перешёл все границы.

В этом году лучший результат на городском экзамене средней школы составил 595 баллов. Конечно, если бы Чи Чэн ответил на эти 70 вопросов, он не обязательно набрал бы максимальный балл, и эти два балла он не мог гарантированно восполнить. Лучший результат на экзамене средней школы не обязательно стал бы его.

Но что, если бы он смог? Кто мог сказать, что он не смог бы восполнить эти два балла? Чи Чэн всегда получал максимальные баллы за математику, и сочинения на высший балл он тоже писал.

Тао Сяодун всё ещё не возвращался домой, и это становилось проблемой. Большой Хуан в магазине уговаривал его не злиться на ребёнка.

— Какой он ребёнок? — Тао Сяодун сжал виски и откинулся на спинку дивана. — У него полно идей в голове.

— На самом деле, разве это не хорошо? — Брат Хуан, потягивая чай, медленно произнёс. — Разве это не облегчает нам жизнь?

— Мне не нужно такое облегчение, — Тао Сяодун почувствовал, как у него начинает болеть голова. — Это безрассудство. Он сам решает всё, что ему вздумается.

— Скажу тебе кое-что, что тебе может не понравиться, Дун, — Большой Хуан наклонился вперёд, понизив голос. — Мы взяли этого ребёнка, одевали его, кормили, помогли ему получить прописку, вырастили его. Сколько сил и денег мы потратили на воспитание ребёнка, мы не будем говорить. Мы делали это ради душевного спокойствия, не ожидая ничего взамен. Но если у ребёнка есть такое желание, это тоже нормально. Это показывает, что он благодарен, что он не бессердечный. Иначе, если бы он думал только о себе, разве тебе бы это

не было неприятно?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, брат, — сказал Тао Сяодун.

Он сел прямо и посмотрел на Большого Хуана:

— Правда, когда я взял его, я хотел, чтобы у Сяонаня был компаньон, и чтобы мне было спокойнее. За эти годы я получил это спокойствие, но я не хочу, чтобы он всю жизнь жил ради этого, считая это долгом. Это было бы похоже на покупку ребёнка.

— Эх, ты слишком много думаешь, — Большой Хуан махнул рукой. — Ребёнок сам этого хочет, он привязан к Сяонаню и не может его оставить. Ты как старший брат воспринимаешь это слишком серьёзно и злишься. На мой взгляд, это хороший ребёнок, достойный.

Хороший ребёнок Чи Чэн дома был немного озадачен, не зная, как разрядить обстановку. Если бы Тао Хуайнань ошибался, он мог бы извиниться и пофлиртовать, но Чи Чэн никогда бы не смог сказать таких слов. Он не умел извиняться и не умел говорить мягко.

Тао Хуайнань проснулся после полуденного сна и вышел из комнаты.

Проснувшись и не найдя Чи Чэна, он надел обувь и пошёл его искать. Он всё ещё не мог справиться со своими чувствами, в последние дни он мало говорил, и, не найдя Чи Чэна, не стал спрашивать, а просто медленно обошёл несколько мест. Дойдя до дивана, он наклонился и начал медленно ощупывать пространство. Сначала он немного нахмурился, не найдя Чи Чэна, но в конце концов нащупал его руку на краю.

Найдя его, он не сказал ни слова, положил руку на плечо Чи Чэна, перешагнул через него и сел на него.

Он только что проснулся, и его тело было тёплым. Он был в пижаме с короткими рукавами и шортами, молча прислонился к груди Чи Чэна. Чи Чэн положил руку на его спину и слегка похлопал его.

Тао Хуайнань медленно наклонился, положил голову на плечо Чи Чэна и уткнулся лицом в его шею.

— Старший брат, — тихо позвал он.

Чи Чэн сидел, откинув голову назад, одной рукой обнимая его за спину, и ответил:

— Мм.

— ...Я тебя очень утомляю? — Тао Хуайнань, опираясь на плечо Чи Чэна, моргнул. — Все злятся на тебя, я знаю, что ты делаешь это ради меня.

— Это ничего, — сказал Чи Чэн.

— Я на самом деле не хотел, чтобы ты так поступал... — голос Тао Хуайнаня был тихим, его глаза смотрели в одну точку, он выглядел растерянным. — Я не ожидал этого. Ты такой талантливый, и мы с братом очень гордимся тобой. Я мог бы пойти в школу для слепых... Я просто боюсь, боюсь, что вокруг тебя будет много незнакомых людей, боюсь, что ты подружишься с кем-то другим.

Чи Чэн положил руку на голову Тао Хуайнаня, медленно играя с его волосами.

Тао Хуайнань только что проснулся, и его голос был мягким и медленным:

— Что нам теперь делать? Ты не сможешь пойти в Прикреплённую школу, и в экспериментальные школы тоже.

Чи Чэн сказал:

— Ничего, — и добавил:

— Везде одинаково.

— Как это может быть одинаково? — Нос Тао Хуайнаня касался шеи Чи Чэна, он чувствовал запах геля для душа старшего брата при каждом вдохе. — Прикреплённая школа такая хорошая.

В последние дни Тао Хуайнань не говорил так много, ребёнок боялся сказать что-то лишнее, чувствуя, что натворил бед.

Сейчас, только что проснувшись, он был особенно зависим, сам начал говорить эти тёплые слова и говорил долго. Объятия Чи Чэна были надёжными, и, лежа здесь, чувствуя его дыхание, лёгкие подъёмы и опускания, ему было так комфортно.

— В будущем ты больше не должен так поступать... — слушая сердцебиение Чи Чэна, сказал Тао Хуайнань. — Мне очень плохо.

— Я сказал, что везде одинаково, значит, одинаково, — Чи Чэн посмотрел на него, его подбородок слегка зачесался от волос Тао Хуайнаня, его губы слегка коснулись уха Тао Хуайнаня, и он поднял бровь, спрашивая:

— Ты мне не веришь?

— Я верю тебе, — Тао Хуайнань поднял руку, чтобы коснуться его лица. — Я знаю, что ты очень способный, но тебе будет намного тяжелее.

Чи Чэн безразлично погладил его подбородок:

— Не думай о разном.

Они просидели так с полудня до вечера, когда Чи Чэн пошёл готовить ужин. Тао Хуайнань держался за его одежду, оставаясь тихим. Когда Чи Чэн встал, он похлопал его, и Тао Хуайнань, прежде чем отодвинуться, поднял голову и слегка поцеловал его подбородок.

Чи Чэн погладил его по голове, отодвинул Тао Хуайнаня в сторону и сам пошёл на кухню.

Тао Сяодун не разговаривал ни с одним из братьев, злясь на обоих.

Но старший брат не мог вечно не возвращаться домой. Тао Хуайнань звонил ему два раза в день, и Тао Сяодун вернулся через несколько дней, сразу снял одежду и пошёл в душ, не разговаривая с ними.

Тао Хуайнань ждал его у двери, а Чи Чэн пошёл резать фрукты.

Когда Тао Сяодун вышел из душа, на голове у него было полотенце, и оба младших смотрели на него.

— Брат, — позвал его Чи Чэн.

Тао Сяодун сделал вид, что не слышит.

— Брат, поговори со мной, — Тао Хуайнань протянул руку в его сторону, и Тао Сяодун, проходя мимо, слегка шлёпнул его по руке. Тао Хуайнань отдернул руку, потирая её, и сказал:

— Ты тоже собираешься применять домашнее насилие?

Тао Сяодун шёл и говорил:

— Теперь я наконец понимаю, почему так много родителей бьют своих детей.

— Не отшлёпать — не успокоиться, да? — спросил Тао Хуайнань.

Тао Сяодун посмотрел на Чи Чэна и сказал:

— Тебе повезло, что ты мне не родной брат, иначе сегодня я бы тебя не отшлёпал только из-за своей трусости.

Тао Сяодун до сих пор, видя их, чувствовал, как у него болит голова. Хотя это был поступок Чи Чэна, Тао Хуайнань тоже был пассивен, и, хотя он знал, что тот не был в курсе заранее, он не мог не злиться на него, ведь эти двое всегда были заодно.

Тао Сяодун не остался в гостиной, а пошёл в свою комнату и сел на кровать. В последнее время он связался с множеством друзей, ожидая решения вопроса. У него были дети такого же возраста, и он расспрашивал о школах. На телефоне была куча непрочитанных сообщений, но у него не было настроения их просматривать.

Чи Чэн вошёл в гостиную, Тао Хуайнань не последовал за ним.

Тао Сяодун, увидев его, почувствовал раздражение и не стал поднимать голову.

Чи Чэн подошёл и сел на пол рядом с ногами Тао Сяодуна, позвав:

— Брат.

Тао Сяодун всё ещё не поднимал глаз, продолжая смотреть на телефон.

— Побей меня, брат, — Чи Чэн обхватил колени руками и сказал Тао Сяодуну. — Может быть, я тебе не родной брат, но ты мне родной брат. Если я ошибся, ты имеешь полное право меня отшлёпать.

Только тогда Тао Сяодун взглянул на него, посмотрел на макушку Чи Чэна и через некоторое время произнёс:

— Ты что, списал? Твой брат написал тебе текст?

<http://bllate.org/book/16228/1458295>